

СЛАВНЫЙ ПРЕДОК

Я так переживаю, что карандаш то и дело выпадает у меня из пасти. Писать историю своей семьи — большая ответственность! Людям, я слышал, для такого важного дела нужно вдохновение. А нам, самым верным и преданным друзьям человека? Я не знаю.

Наверное, вам сложно поверить: как это, собака — и вдруг пишет? Так вот: ничего удивительного здесь нет! Моя мама, бело-рыжая сибирская лайка по кличке Лиса, живёт у известного писателя, который в прошлом был путешественником. Это она научила меня прижимать лист лапами, брать карандаш в зубы и писать. Сперва буквы прыгали по бумаге, как воробьи по весенним лужам... Но я щенок старательный! Совсем скоро у меня начало получаться не хуже, чем у мамы. Она меня хвалила и ставила в пример сестрёнкам и братишкам. Только хозяин посмеивался, глядя, как я с довольным урчанием тащу под его письменный

стол очередной отточенный карандаш. Ну ничего, ничего... Знал бы, чем я собираюсь заниматься, сразу перестал бы подшучивать.

Итак, я, Берт Старший, сын породистых сибирских лаек Лисы и Отважного, начинаю писать историю своей семьи. И первый, о ком расскажу, — это мой предок, прапрапрапрапрадедушка.

Звали его Весёлый. Когда мама несколько месяцев назад поведала нам, пятерым щенкам, его историю, я от волнения даже поскуливать начал! Не в каждом роду собак есть покорители Северного полюса! Вот я и решил: начну с прапрапрапрапрадедушки, который прославил наше мохнатое звонко-голосое семейство. Только давайте сразу договоримся: здесь я буду называть его дедушкой. Если каждый раз все эти «прапра» писать, карандашей не хватит. А рассказывать я собираюсь долго!

Итак, мой дедушка Весёлый родился на Севере в семье ездовых лаек. Он появился на свет в лагере полярников на острове Рудольфа — самом северном в архипелаге Земля Франца-Иосифа.

От Рудольфа до Северного полюса — «макушки Земли» — около 900 километров. Климат там суровый. Зимой минус тридцать пять, а в июле не больше шести градусов тепла. Тоже мне лето... Гав! А до чего там унылая картина! Мне бы такая совсем не понравилась: чёрные и бурые скалы торчат среди снежной пустыни, словно заколдованные великаны, которые спят крепким сном. Вокруг серовато-синий, как осенняя лужа, Северный Ледовитый океан. В котором что плавает? Правильно! Огромные куски льда.

«А зачем там нужны люди?» — спросите вы. Отвечу! Двухногие любопытны до невозможности, совсем как щенки. Это сегодня на планете почти не осталось неизведанных мест, а в прошлом веке их было предостаточно! Особенно манил людей скованный льдами, суровый и холодный Северный полюс.

И вот в 1932 году на острове Рудольфа, где родился мой дед, открыли первую метеорологическую станцию*. Там учёные жили и изучали направления ветра, бури, метели всякие. За четыре года полярники поняли: зимовать на острове непросто, но, если запастись едой и тёплой одеждой, привыкнуть можно. Вскоре на Рудольфе появилась настоящая база первой воздушной экспедиции на Северный полюс. Я уже говорил: «макушка Земли» там совсем рядом. Люди построили аэродромы, удобные дома для учёных, склады для вещей, кухни. Ну и собак завели, конечно! Породу выбрали такую, которая

* В 1995 г. метеорологическая станция на острове Рудольфа была закрыта. Теперь её не существует.

морозов и ледяных ветров не боится, — арктических лаек. Работа для них всегда находилась: перевезти людей в упряжках, вытянуть грузы на быстрых санках, охранять склады с оборудованием и провизией. А ещё — приветствовать учёных звонким радостным лаем.

Люди это просто обожают! Я видел, как радуется хозяин, когда моя мама Лиса выбегает его встречать. А уж когда мы, пятеро щенков, пушистыми клубками выкатываемся ему под ноги, он плюхается на пол прямо в пальто и ботинках, хохочет, гладит нас всех по очереди и шепчет что-то ласковое. А мы-то веселимся! Скулим, твякаем, руки и щёки ему лижем!

Но мы, семейство лайки Лисы, живём в просторной тёплой квартире, где всем хватает места и миска всегда наполнена вкуснятиной. Здесь нет ни ветров, ни снежных бурь. А дедушка? Подумать страшно! Люди пускали его в дом, только пока он был щенком. А как подрос и шуба стала тёплой и густой — всё: пожалуйста, молодой человек, на улицу.

Но дед нисколько не расстроился! Да, мне об этом мама рассказывала. Круглые сутки Весёлый проводил на открытом воздухе: спал, свернувшись клубком в вырытой снежной лунке, грыз замороженное мясо и сушёную рыбу — юколу.

Однажды Весёлый услышал, как кто-то из учёных сказал: «Первой дрейфующей* научной станции — быть! Ура!» И радостно хлопнул себя по колену.

* Дрейфующая станция — это значит, что она посреди океана на огромной льдине находится. Куда её подводным течением увлекает, туда она и плывёт.

Я удивился и спросил маму, зачем людям ещё какая-то станция понадобилась. Неужели станции на острове Рудольфа им было мало?

Оказывается, учёным очень хотелось исследовать Северный полюс. Узнать, какая там погода, как в Северном Ледовитом океане двигаются льды, как меняются подводные течения, обитают ли в холодных арктических водах рыбы и другие живые существа. А как получить самые точные данные? Только если отправить в Арктику учёных и построить для них исследовательскую станцию. И не где-нибудь, а прямо на океанской льдине!

Я бы ни за что не стал там жить. Боюсь. Вдруг этот громадный кусок льда разломится? А под тобой десятки метров ледяной воды! Или еда закончится во время экспедиции? Кто её привезёт? А вдруг палатку ветром снесёт? Люди не лайки, в снежной лунке спать не смогут. Замёрзнут, не пройдёт и пары часов. Но учёных ничто не пугало. Отчаянные были люди.

С того момента на острове Рудольфа только и говорили что о предстоящей экспедиции. А ещё все ждали каких-то зимовщиков. И чем дольше Весёлый слушал полярников, тем сильнее ему хотелось стать участником этого большого, важного дела.

ЧУЖАКИ НА ОСТРОВЕ РУДОЛЬФА

Как-то утром дедушка заметил в лагере четверых незнакомых людей. Мы, собаки, к чужакам относимся с недоверием. Поэтому Весёлый решил за ними проследить и выяснить: кто такие, откуда прибыли, чем хотят заниматься. Вдруг это воры, которые украдут ночью всё ценное оборудование или прибор какой поломают. Тут глаз да глаз нужен! А ещё нос да нос.

Дедушке чутьё сразу подсказало, кто из чужаков главный. Человек среднего роста, темноволосый, плотный, как говорят, «литой», со смешными усиками щёткой. Он всё время улыбался, а когда говорил, руками размахивал.

«Вот этот — самый подозрительный тип и есть!» — решил Весёлый и стал ходить хвостом за человеком с усиками. Дедушка думал, у него это незаметно получается, но чужак сразу раскусил лайку, которая с недоверчивым выражением морды следовала за ним по пятам.

Нет, вы не подумайте! Никто моего деда не кусал. Просто в очередной раз столкнувшись с Весёлым, который топтался возле дома полярников, человек спросил: «Ну что ты за мной всё время следишь? Не доверяешь?» И глаза прищурил хитро.

Весёлый кивнул. А про себя подумал: «Ещё бы! Доверять можно только тем двуногим, которых хорошо знаешь! Это любому щенку известно».

— Ну конечно! Я же не представился! А это невежливо. Давай знакомиться. Меня зовут Иван Папанин! А тебя как звать-величать?

И заулыбался.

Голос чужака с усиками деду понравился. И озорные искорки в его тёмных глазах — тоже. Пёс понял: перед ним человек добрый. Не бывает у обманщиков и злодеев такого открытого взгляда и славных ямочек на щеках.

Весёлый завил хвостом, радостно залаял и припал на передние лапы.

— Какой ты забавный пёс! И какой... весёлый!

«Гав! Гав! Да! Я — Весёлый! Правильно! И как это Иван Папанин догадался...» — удивился дедушка.

— Ну ты молодец! А лапу подавать умеешь?

Дед сел, чуть наклонил голову, как его научила другая, очень воспитанная лайка, и протянул человеку переднюю лапу.

— Вот это номер! Ты посмотри, Женя, какая собака учёная! — обратился Иван Папанин к шедшему мимо товарищу.

— Может, возьмём его с собой на дрейф, а? — предложил Женя, разглядывая Весёлого. — Как думаешь, Иван Дмитриевич?

Папанин ничего не ответил. Потрепал дедушку по пушистой холке и ушёл.

Дни сменялись днями, и Весёлый забеспокоился: «А вдруг меня не возьмут на льдину дрейфовать вместе с полярниками?! Может, Иван Папанин и Женя решили, что я какая-нибудь лайка-пустолайка — только хвостом умею вилять?! Надо что-нибудь придумать...»

Сказано — сделано. По утрам дедушка прибегал к домику полярников и ждал у дверей, как самая воспитанная и вежливая собака. А когда человек с усиками выходил, вставал на задние лапы и пытался лизнуть в щёку. Другие лайки, узнав об этом, посмеивались: «Что, Весёлый, нашёл своего человека? Хозяина? Зря стараешься! Не возьмёт он тебя с собой!» А дед только порыкивал: пускай завидуют.

Как-то раз Весёлый захотел сделать Ивану Папанину подарок и выкопал из-под снега спрятанную рыбью голову. Он мечтал ею полакомиться вдали от посторонних глаз, но порадовать любимого полярника было куда приятнее, чем набить пузо.

Пока полярники занимались делами, Весёлый осторожно открыл дверь, прокрался внутрь дома и положил подарок на самое видное место — в центр обеденного стола. Вечером пёс прибежал к людям пожелать доброй ночи. И заметил на пороге Ивана Папанина. Вид у него был не слишком довольный.

«Гав! Неужели рыбья голова невкусная оказалась? — размышлял пёс. — Солёная слишком, наверное. Я так и знал. Эх, надо бы кусочек мяса... Но где ж его взять? У местного повара каждая котлета на счету...»

— А ну-ка, подойди ко мне, друг любезный!

Весёлый неуверенно завил хвостом и сделал несколько шагов.

— Ты зачем нам голову тухлую принёс? Что с ней делать? — Иван Папанин не ругался. Он с трудом скрывал улыбку.

«Гав! Как что? Есть, конечно!» — отвечал пёс.

— Мы с ребятами с самого утра важные вопросы решали по поводу экспедиции, устали и пришли домой выпить чая горячего с баранками. А за стол сесть невозможно! Запах стоит — хоть из дома беги! Рыба твоя в тепле растаяла. Чай мы пили, зажав носы... — и Иван Папанин шутя закрыл Весёлому ладонью чёрный холодный нос.

Дед виновато опустил голову и заскулил.

— Ну ладно, ладно! На первый раз прощаю! Но чтобы больше никаких подарков! Особенно таких... ароматных, — Иван Папанин пригрозил псу пальцем и ушёл в дом.

«Я ведь хотел как лучше... Вот тебе и сюрприз», — Весёлый опустил хвост и понуро побрёл к остальным лайкам. Те встретили его громким смехом. Да-да! Мы, собаки, между прочим, смеяться тоже умеем. Не как люди, конечно, но, если нас что-то рассмешит, лаем по-особому. А полярники на острове Рудольфа так и не смогли понять, с чего это под вечер собаки так разволновались и никак спать не улягутся.

Весёлый всё реже видел Ивана Папанина. Тот решал какие-то важные вопросы, что-то обсуждал с остальными учёными. Стало ясно: сборы в экспедицию на новую дрейфующую станцию начнутся со дня на день.